

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ МОТИВОВ КАЛМЫЦКОЙ БОГАТЫРСКОЙ СКАЗКИ И ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА «ДЖАНГАР»

Статья посвящена рассмотрению некоторых мотивов калмыцкой богатырской сказки и калмыцкого героического эпоса «Джангар». Автором рассмотрены такие традиционные мотивы как, мотив бездетных старика и старухи, мотив чудесного рождения, который взаимосвязан с последующим мотивом вымаливания у святых сына-наследника. Защитник рода-племени богатырской сказки в калмыцком героическом эпосе «Джангар» преобразуется в наследника эпического властелина. Композиционные приемы и эпизоды, повествующие о рождении героя-наследника, сына Джангара, нареченного Шовшуром, свидетельствуют о том, каких вершин достигали в своем творчестве калмыцкие джангарчи. Тема продолжения рода получает качественно новое освещение в разрешении государственных задач, от вопроса престолонаследия переходит к проблеме возрождения Бумбайской страны. Калмыцкие джангарчи отказались от прямолинейной разработки традиционного мотива бездетности, потому как прямое повторение не соответствовало бы характеру эпического героя. Ряд мотивов калмыцкой богатырской сказки проливает свет на разгадку некоторых неясностей, загадок повествования в тексте эпических песен, потому как истинный глубинный смысл происходящего возможно обнаружить в сказочном сюжете, где биографическая форма повествования обусловила связь всех его звеньев, мотивов, ситуаций.

В результате изучения мотивов автор приходит к выводу, что традиционный сказочный мотив бездетности с последующим мотивом вымаливания сына-наследника, а также мифологический мотив рождения наследника у престарелой героини в калмыцком эпосе «Джангар» трансформируется и сменяется на образ героя-спасителя Бумбайской страны.

Ключевые слова: калмыцкий фольклор, богатырская сказка, герой, богатырь, эпос «Джангар», героическое сватовство, мотив бездетности, мотив вымаливания у святых наследника, мотив рождения наследника, страна Бумба.

В. В. Mandzhieva

The issue of studying the motives of the Kalmyk heroic tale and the heroic epos “Jangar”

The article considers some of the motives of the Kalmyk heroic tale and the Kalmyk heroic epic “Jangar”. Traditional motives such as the motive of a childless old man and an old woman, the motive of a miraculous birth correlated with the subsequent motive of begging the saints for the son heir are considered by the author. Family’s defender of the heroic fairytale in the Kalmyk heroic epic “Jangar” turns into the heir of the epic king. Compositional techniques and episodes telling about the birth of an heir-hero, the son of Jangar – Shovshur, show how masterful Kalmyk *dzhangarchies*, i.e., storytellers, were. New light is cast on the theme of the clan continuation from the point of view of resolving public problems, the issue of succession passes to the issue of revival of Bumba country. Kalmyk *dzhangarchies* refused to develop the traditional motive of childlessness straightforwardly, because it would contradict the character of the epic hero. A number of motives of the Kalmyk heroic tale clarifies some uncertainties, mysteries of the narrative in the text of the epic songs as the true deep meaning of what is happening may be found in the fairy story, where biographical form of the narrative determines a strong connection with all of its links, motives, situations.

As a result of the analysis, the author concludes that the traditional fairy-tale motive of childlessness, followed by the motive of begging for the son and the heir, as well as the mythological motive of the birth of the heir by

МАНДЖИЕВА Байрта Барбаевна – к. филол. н., зав. отделом фольклора и джангароведения Федерального государственного бюджетного учреждения науки Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН.

E-mail: mmbairta@yandex.ru

MANDZHIEVA Bayrta Barbaevna – Candidate of Philological Sciences, Head of the Department of Folklore and Dzhangar Studies Federal State budget institution Science Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: mmbairta@yandex.ru

the elderly heroine in the Kalmyk epic “Jangar” is transformed and replaced by the image of the rescue hero of the country Bumba.

Keywords: Kalmyk folklore, heroic tale, hero, warrior, “Jangar” epic, heroic matchmaking, motive of childlessness, motive of begging the saints for the heir, motive of the birth of the heir, the country of Bumba.

Введение

В калмыцкой фольклористике рассматривались вопросы взаимосвязи калмыцкого героического эпоса «Джангар» и богатырских сказок [1-2], мотив чудесного рождения героя в тюрко-монгольском героическом эпосе, в сказочном эпосе монгольских народов и в калмыцком эпосе «Джангар» [3-4], проблемы поэтической структуры калмыцких богатырских сказок и их соотношение с эпическим жанром [5-6], вопросы изучения богатырской сказки [7], взаимосвязь персонажей богатырской сказки и героического эпоса «Джангар» [8]. А. Ш. Кичиков, изучая проблему архаических мотивов происхождения героя, реконструировал целостное тууль-улигерное повествование о героическом сватовстве, которое «служит целям героической идеализации богатырей и их эпической державы» [9, с. 135].

Как отмечено Б. Н. Путиловым, «прямое повествование не раскрывает и не объясняет многого в содержании песни, более того – оно само оказывается полно недосказанностей, неясностей, загадок; мотивировки объяснения поступков героев чаще всего отсутствуют, а истинный глубинный смысл происходящего чаще всего остается невыясненным» [10, с. 4]. В этой связи возникает необходимость рассмотрения ряда мотивов калмыцкой богатырской сказки, которые помогут найти разгадку некоторых неясностей повествования в тексте эпических песен.

Трансформация сказочного мотива бездетности в эпосе «Джангар»

Как в сюжетосложении, так и в создании эпического произведения в целом велико значение мотивов, как значимых и необходимых единиц фольклорной поэтики. По определению А. Н. Веселовского, «мотив – это простейшая повествовательная единица, образно ответившая на разные вопросы первобытного ума или бытового наблюдения. При сходстве или единстве бытовых и психологических условий на первых стадиях человеческого развития такие мотивы могли создаваться самостоятельно и вместе представлять сходные черты» [11, с. 500]. А. Н. Веселовский придавал мотиву определенную автономность, указывал на локальность его возникновения, на известный «схематизм», его архаизм.

Б. Н. Путилов, основываясь на наблюдениях А. Н. Веселовского, расширил, углубил понятие термина «мотив» и сформулировал его как «типичная формула, являющаяся специфическим средством реализации одного из типовых элементов эпического сюжетного арсенала» [12, с. 144]. Таким образом, мотив представляет собой единицу художественной семантики и трактуется в системе произведения, связывая его проблематику с общими вопросами генезиса в фольклоре.

Мотивы в фольклорном произведении на первый взгляд непонятны. Герой, зачастую без всяких видимых причин отправляется в дорогу, покидает дом, такой поступок в сказке часто просто не мотивирован. В некоторых сказках герой нарушает запрет, или его выгоняет вредитель. На вопрос о том, почему так происходит, не находится никакого ответа.

В калмыцкой сказочной традиции присутствует ряд мотивов чудесного рождения героя. Исходная ситуация связана с бездетностью пожилых супругов. По этому поводу В. М. Жирмунский пишет: «В богатырской сказке и в более позднем героическом эпосе народов Средней Азии почти универсальное распространение имеет зачин, рассказывающий о бездетных, уже состарившихся родителях, которые вымаливают у бога или какого-нибудь чудесного покровителя долгожданного наследника – будущего героя эпического повествования. В богатырских сказках тюркоязычных народов Сибири (алтайцев, шорцев, хакасов и др.) богатырь обычно сын бездетных старика и старухи, достигших семидесяти, восьмидесяти, иногда ста лет» [13, с. 164].

Мотив бездетных старика и старухи присутствует в таких калмыцких богатырских сказках как «Нээмн миңһн нас наслсн Улана Намжл» («Восьмитысячелетний Улана Намджил») [14, с. 231-233], «Нальһн Цаһан ээжин Нээхл гидг баатр» («Богатырь Найхал, сын Нальхан Цаган эджи») [15, с. 184-211].

В богатырской сказке «Нэльхн Цаһан ээжин Нээхл гидг баатр» («Богатырь Найхал, сын Нальхан Цаган эджи») мотив чудесного рождения описывается следующим образом: «Кезэнэ санж, азд-така нутгта, алмст-така булгта Зэгр богд хан гидг хан санж. Түүнэ нутгт нутглж бээдг Нэльхн Цаһан ээж гидг эмгн санж. Уульх унжх үрн-садн уга санж. Нэльхн Цаһан ээж генткн гесднэ. Гесдэд иргч өөнднь һарх гиһэд жирһл-дүргл кехэд бээнэ. Иргч өөнднь эс һарна. Нурвн жил болад оркна, нурвн жил болад һарна / Давно это было, жил-был Загир Богдо-хан в своем Азат Така нутуке, а булуг-источник у него назывался Алмаст Така. Жила у него в нутуке старуха, и звали ее Нальхан Цаган эдже. У нее не было детей, которые бы плакали и кричали. Вдруг Нальхан Цаган эдже затяжелела. Стала она жить-поживать с хорошими мыслями, что в скором времени родит. Но в положенный срок она не родила. Прошло три года, через три года у нее родился [сын]» [15, с. 184].

В калмыцкой богатырской сказке мотив бездетности взаимосвязан с последующим мотивом вымаливания у святых сына-наследника. Так, например, в сказке «Нээмн миңһн нас наслһн Улана Намжл» («Восьмитысячетный Улана Намджил») у хана и его жены не было детей, но было всего полно, имелись бесчисленные стада «пяти мастей», золото и прочее богатство, «у нас не рождается дитя, чтобы было кому поплакать». Старики обращаются к ламе-отшельнику, который предсказывает рождение долгожданного ребенка [14, с. 231].

В богатырской сказке тема семьи, продолжения рода – основная тема, чудеснорожденный герой является «хранителем очага, защитником рода-племени, приумножающий свое наследство путем получения приданого, уничтожения врагов-мангусов, претендентов на руку суженой богатыря» [9, с. 162].

В сказочном повествовании новое поколение оказывается сильнее предыдущего, в эпохе, в частности в Малодербетовском цикле (1862 г.) «Джангара», герой младенец рождается как спаситель страны Бумбы. Так, в песне «О победе Славного Алого Шовшура над Свирым ханом мангасов Шара Гюргю» Джангар, поручив державу Хонгору, покидает страну. Скитаясь, встречается с богатырями правой руки во главе с Алтан Чеджи, который выразил свою обиду словами: «Если Вам не нужна Бумбайская держава, то и мне не нужна!» [16, с. 171]. Богатырская семья, казавшаяся неразрушимой, вследствие загадочного поведения Джангара распалась. Единственный, преданный своему государю Хонгор остался «один-одинешенек» в осиротевшей Бумбе, чем и воспользовался давний враг Бумбайской страны, владыка всех мангусов и шулмусов Шара Гюргю. Услышав, что Бумба распалась, Шара Гюргю двинул на беззащитную страну «рать гуще пыли и многочисленнее муравьев», сломил упорное сопротивление Хонгора и угнал народ Бумбы к себе, не оставив «ни бездомного щенка, ни осиротевшего ребенка. Жен семидесяти двух ханов с хатун самого богдо во главе одной цепью сковали и угнали. Державная гора Цаган до основания разрушена, океаноподобная Бумба-река иссохла», название «славного Джангара держава забвению предано, угнано все, опустела страна» [16, с. 172]. Такими мрачными красками вырисовывается картина катастрофы Бумбы – некогда (согласно прологу Малодербетовского цикла 1862 г.) могучей и неразрушимой державы.

А в это время богдо Джангар «позабыл... в скитаниях Хонгора Благородного, позабыл им покинутую Бумбайскую державу свою; Скитаясь, вдруг очутился он у золотого дворца. Заглянул он в окно из волшебного сандала и увидел: небесная рагни сидит одна... Вскочил Джангар в сандаловую оконницу, подхватил ее за перламутрово-белое запястье, сунул в нагрудный карман и вышел» [16, с. 181]. После долгих скитаний у какого-то «вселенского моря Кюрюл-Цаган» он соорудил белокаменный дворец, «И стали они тут в супружестве жить. А при виде десятой луны родился сын» [16, с. 182].

Ни новое супружество, ни рождение сына на чужбине внешне не связано с мотивом «мировой скорби» – молчанием Джангара перед отъездом. Но есть скрытая мотивировка поведения, отсутствующая в прямом повествовании. Поведение Джангара, вызвавшее недоумение, а затем и обиду всех его приближенных, раскрывается в словах, с которыми обращается Джангар к своему сыну Шовшуру, не имевшему представления о происхождении своих родителей, живущих одинокой семьей. Так, при виде бумбайской стрелы – вести с далекой родины, всколыхнули в Джангаре чувства тоски по родной земле, «Джангар вслух вспоминает свою страну: «Океано-

подобная Бумба-река моим владением была. Счастьем, равным моему, никто не обладал и в вышних семи мирах», перечисляет своих предков [16, с. 186]. О встретившихся Шовшуру богатырях Джангар сообщает: «Это мои тридцать пять богатырей!» – и заключает: «Я тот, кого на всей земле единственным Джангаром величают. Для полного блаженства не хватало мне только тебя, сынок. И на поиски сына я поехал. О мой милый Шовшур, тот, кого я обрел ценой потери Бумбайской державы моей! О мой младенец Шовшур, тот кого я обрел ценой гибели Алого Хонгора моего!» [16, с. 186].

В первой песне «О победе богдо Джангара над мангасом Уту Цаганом» и во второй песне «О победе богдо Джангара над ханом мангасов Кюрюл Эрдени» Малодербетовского цикла (1862 г.) круг активноедействующих богатырей ограничен, так в первой песне мы встречаем Джангара, Алтан Чеджи, Гюмбе, Хонгора, Савара, Хабатын Онге, но здесь отсутствует юный богатырь Шовшур потому, что он еще не родился. Также в этой песне упоминается, что конь Савара, принимая участие в состязаниях в честь Менген Герел, дочери Джангара, подбил ногу и захромал [16, с. 81]. Следовательно, Джангар и Ага Шавдал находятся в таком возрасте, когда они уже выдали замуж свою взрослую дочь, но у них нет сына-наследника. Итак, согласно первой песне цикла, Джангар и Ага-Шавдал – пожилые супруги, выдавшие замуж свою дочь. Вторая песнь этого цикла повествует о длительном отсутствии Джангара после поражения от мангуса Кюрюл-Эрдени. Джангар, вернувшись на родину, видит свою ханшу состарившейся древней старушкой, седой как лунь. В таком трансформированном виде мы обнаруживаем в «Джангаре» мотив бездетности престарелых родителей, который распространен в сказочной традиции калмыков.

Следует заметить, что своеобразное смещение функций персонажей влечет за собой две сюжетно-параллельные линии двух героев – Джангара и Шовшура. Согласно первому ходу богатырской сказки, будущий герой-наследник престарелых родителей рождается дома. Получив предназначенного коня, герой спешит к своей суженой и, одержав победу над соперником, женится и возвращается к родителям. Второй ход связан с возвращением угнанных в рабство родных героя.

Песнь «О победе Славного Алого Шовшура над Свирепым ханом мангасов Шара Гюргю» Малодербетовского цикла (1862 г.) в своем сюжетном развитии отошла от традиционной конструкции богатырской сказки. Сюжет песни построен в соответствии с новыми функциями героев. Произошла подмена одного героя другим, так, Джангар выступает в роли своего сына. Согласно богатырской сказке наследник, то есть Шовшур, родившись в Бумбе от престарелых Джангара и Ага-Шавдал должен был сам отправиться в страну суженой, но этого не происходит. Смещение функции Джангара явилось результатом «реалистической» трактовки образа Ага-Шавдал, которая вследствие своей естественной старости не может родить наследника. Таким образом, функцию юного героя выполняет сам Джангар: отправляется в иной мир, бесцельно скитаясь, прибывает в страну будущей молодой ханши-красавицы рагни и по истечении десяти лунных месяцев рождается сын. Рождение Шовшура восстанавливает традиционное развитие сюжета.

В калмыцкой богатырской сказке герой-младенец рождается с явными признаками чудесного героя – чаще всего с золотой грудью и серебряной спиной или серебряной поясницей. Так, в сказке «Бодь Номин хан» чудеснорожденный герой носит имя Алтан Кюкюл (Золотая Коса), он родился с золотой грудью и золотым хохолком [14, с. 43]. Этот мотив распространен и в тюрко-монгольском архаическом эпосе: у алтайского героя Кан-Пуден «грудь из золота, спина из серебра», также встречается необыкновенный герой хакасского эпоса «Хан-Мерген», который родился с «золотой спиной и серебряным задом» [17, с. 200].

Еще одним из признаков чудесных примет героя сказки «Бодь Номин хан» является необыкновенная пуповина новорожденного, которую перерезают желтым мечом отца младенца Бодь Номин хана. В этом эпизоде присутствует взаимосвязь необыкновенного ребенка и его отца, так как перерезать пуповину обычными средствами невозможно. Считалось, что пуповина – это сосредоточие жизненной силы, получаемой при рождении, перерезать ее необходимо было определенным инструментом, в данной сказке отец перерезает своим мечом, который олицетворяет символ богатырства, могущества воина, защитника.

В героическом эпосе «Джангар» с необыкновенной стальной пуповиной рождается наследник Джангар-хана Шовшур. Джангару, чтобы перерезать пуповину своего младенца потребовался его чудесный меч, именуемый «Билгин Шарбанг» [16, с. 182]. Согласно сказочной традиции калмыков, стальная (бронзовая, каменная) пуповина представляет собой одно из вместилищ «жизни-души» (эмн-сүмси) персонажа.

Наречение именем героя «играет весьма существенную роль в эпической биографии как магическое благословение и предсказание его будущего героического пути» [18, с. 233].

В калмыцкой сказке «Восьмистысячелетний Улана Намджил» герой имеет два имени, оказалось, что Намджилом зовут его однохотонцы, а его настоящее имя Джо было дано при рождении с чтением молитвы в ознаменование наречения именем [14, с. 233]. В сказке акт переименования юного богатыря имеет мифологический характер.

В сказочной традиции калмыков также известно, что масть коня, на котором ездит богатырь, входит как эпитет в его собственное имя. Об изображении наречения именами героя и его коня (указание на предназначенного коня) в качестве одновременного акта свидетельствует богатырская сказка «Ашнь Алг мөртэ Амн Цаган» ([Богатырь] Аман Цаган, владеющий конем Ашинь Алаг) [19, с. 49]. Так, герой сказки по совету своего предназначенного коня нарекает себя именем: «Аман Цаган (Белые Врата) имя мое отныне, а ты будешь моим скакуном «Ашинь Алагом», – говорит юноша своему коню [19]. Такое одновременное наречение именами чудеснорожденного наследника и его коня отражает обряды, связанные с совершеннолетием, первым подвигом героя, а в богатырской сказке «Ашнь Алг мөртэ Амн Цаган» ([Богатырь] Аман Цаган, владеющий конем Ашинь Алаг) с уничтожением врага Тёга Бюса [19]. Мотив наречения именами героя и его коня присутствует в эпосах разных народов. Например, в алтайском эпосе, Когутэю небожителями Уч-Курбустан дано имя Кускун-Кара-Матыр – Ездивший на Бархатно-Вороном Коне; «Алтын-Кылыш (Золотой Меч) имя твое отныне, на бело-яблочном коне по имени Ак-Коят будешь ездить», – говорит «седой старичок» будущему герою шорского эпоса.

Калмыцкий героический эпос сохранил обряд посвящения и наречения взрослого имени, словесная часть этого обряда сопровождается традиционным йорялем-благопожеланием. Так, в песне «О победе Славного Алого Шовшура над Свирепым ханом мангасов Шара Гюргю» юный наследник Джангара первоначально носит условное имя: Ээж аав хойрни / Эркүлүж бээхэд / Гунхн Улан Шовшур / Гиж нер өгв. / Мать и отец, / Лаская сына, / Дали имя: Гунхун Улан Шовшур [16, с. 182]. Впоследствии богатырю Хонгору дается почетное право наречения именем. Джангар, показывая на сына, говорит Хонгору: «Чамаһан дуутын оһн зовлң үзүлэд, / Мини олгсн олз / Тер йовгч көвүн тер! – гиж / Хоңһртан заав. / – Үүнэн над кезэнэ / Юн гиһэд эс келнэт? / Жаңһр, эн тускдан / Танла зарһта! – гив. / Обрекши тебя бесчисленным мукам, / Вот что обрел взамен: / Вот он, этот мальчик! / Хонгор: – Об этом почему давно / Мне не сказали, Джангар? / По этому поводу судиться / С Вами я намерен!» [16, с. 216]. Свою шуточную угрозу Хонгор исполняет на пиру в честь благополучного завершения добрых дел, и произнеся благопожелание, нарекает юного героя богатырским именем: «Төр шажн хойран бэрн һаргсн, / Төвд Бумбин оран цуглуһн һаргсн, / Эрк Бадмин [гегэн] болтха! – гиж нер өгв. / Державу и веру правя, родившийся, / Тибет-Бумбайскую страну собрав, родившийся, / Лелеемый Бадма пусть зовется! – нарек [Хонгор]» [16, с. 216].

«Переименование «героя после первого подвига с наступлением воинского совершеннолетия» может быть приурочено не только «к пролитию вражеской крови»; поводов для получения «героического имени», по-видимому, было много. Одно из них – проявление смелости на обильной охоте, практиковавшейся в быту древних тюрок и монголов» [20, с. 43].

Заключение

Таким образом, чудеснорожденный герой богатырской сказки, «эволюционируя, преобразуется в центральный образ героического эпоса» [9, с. 162]. Композиционные приемы и эпизоды, повествующие о рождении героя-наследника, сына Джангара, нареченного Шовшуром, явились свидетельством высокохудожественного мастерства калмыцких джангарчи. Тема продолжения рода получило качественно новое освещение в разрешении государственных вопросов – от престолонаследия до возрождения Бумбайской страны. Вместо перечисления богатств хана в сказке мы видим показ Бумбайской державы, а вместо жалобы на бедность – скорбное

молчание Джангара, вызвавшее сначала недоумение, а потом и обиду приближенных богатырей. Сказочный мотив бездетности с последующим мотивом вымалывания сына-наследника, а также мифологический мотив рождения наследника у престарелой героини в калмыцком эпосе «Джангар» преобразовывается в образ героя-спасителя Бумбайской страны.

Литература

1. Борджанова Т. Г. О взаимосвязи эпоса «Джангар» и богатырских сказок // «Джангар» и проблемы эпического творчества тюрко-монгольских народов: матер. Всесоюз. конф. Элиста, 17-19 мая. 1978 г. – Москва: Наука, 1980. – С. 214-219.
2. Борджанова Т. Г. Калмыцкая богатырская сказка // Актуальные проблемы народов Северного Кавказа и Дагестана: тезисы докладов и сообщений регион. науч. конф. Махачкала, 18-20 ноября 1987 г. – Махачкала, 1987. – С. 39-40.
3. Мутляева Б. Э. Мотив чудесного рождения героя в тюрко-монгольском героическом и сказочном эпосе // Типологические и художественные особенности «Джангара». – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1978. – С. 51-62.
4. Мутляева Б. Э. Мотив чудесного рождения героя в сказочном эпосе монгольских народов и в калмыцком эпосе «Джангар» // Эпическая поэзия монгольских народов. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. – С. 43-49.
5. Сарангов В. Т. Поэтическая структура калмыцких богатырских сказок и их соотношение с эпическим жанром // «Джангар» и проблемы эпического творчества: тез. докл. и сообщ. межд. науч. конф. – Элиста, 1990. – С. 55-57.
6. Сарангов В. Т. Поэтика и стиль калмыцкой богатырской сказки. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2015. – 108 с.
7. Манджиева Б. Б. К вопросу изучения калмыцких богатырских сказок // XLIV Международная филолог. научн. конф. Санкт-Петербург, 10-15 марта 2015 г.: тезисы докладов. – Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2015. – С. 741-742.
8. Манджиева Б. Б. Конь героя в калмыцкой богатырской сказке и в героическом эпосе «Джангар» // Современные проблемы науки и образования. – Москва, 2015. – № 1. – С. 890. URL: <http://www.science-education.ru> (дата обращения: 29.05.2015)
9. Кичиков А. Ш. Архаические мотивы происхождения героя и их трансформации в версиях «Джангара» // Учитель, ученый, просветитель. Профессор А. Ш. Кичиков [Текст]: проект Калмыцкого университета. – Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та, 2008. – С. 131-163.
10. Путилов Б. Н. Об эпическом подтексте (на материале былин и юнацких песен) // Славянский фольклор. – Москва: Наука, 1972. – С. 4-16.
11. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. – Ленинград: Гослитиздат. Ленингр. отд-ние, 1940. – 649 с.
12. Путилов Б. Н. Мотив как сюжетобразующий элемент. – Типологические исследования по фольклору. – Москва: Наука, 1975. – С. 144-182.
13. Жирмунский В. М. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. – Москва: Изд. вост. лит., 1960. – 335 с.
14. Хальмг туульс / Сост. А. Ц. Бембеева, Ц.-Д. Номинханов. Т. 2. – Элст: Хальмг дегтр haphач, 1968. – 266 с.
15. Ramstedt G. J. Kalmckische Sprachoben. Kalmuckische Marchen. – Helsinki, 1919. – P. 184-211.
16. Джангар. Калмыцкий героический эпос / сост. А. Ш. Кичиков ; ред. Г. И. Михайлов. – Москва: Наука, Глав. ред. вост. лит., 1978. – Т. 1. – 441 с.
17. Никифоров Н. Я. Собрание сказок алтайцев с примеч. Г. Н. Потанина // Зап. ВСОРГО. – Омск, 1915. – Т. XXXVII. – 293 с.
18. Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. – Ленинград: Наука, 1974. – 726 с.
19. Хальмг туульс. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1979. – 160 с.
20. Кичиков А. Ш. Героический эпос «Джангар». Сравнительно-типологическое исследование памятника. – Москва: Восточная литература, 1992. – 320 с.

References

1. Bordzhanova T. G. O vzaimosvjazi jeposa “Dzhangar” i bogatyrskih skazok // “Dzhangar” i problemy jepicheskogo tvorcestva tjurko-mongol’skih narodov: mater. Vsesojuz. konf. Jelista, 17-19 maja. 1978 g. – M.: Nauka, 1980. – S. 214-219.
2. Bordzhanova T. G. Kalmyckaja bogatyrskaja skazka // Aktual’nye problemy narodov Severnogo Kavkaza i

Dagestana: tezisy dokladov i soobshhenij region. nauch. konf. Mahachkala, 18-20 nojabrja 1987 g. – Mahachkala, 1987. – S. 39-40.

3. Mutljaeva B. Je. Motiv chudesnogo rozhdenija geroja v tjurko-mongol'skom geroicheskom i skazochnom jepose // Tipologicheskie i hudozhestvennye osobennosti "Dzhangara". – Jelista: Kalm. kn. izd-vo, 1978. – S. 51-62.

4. Mutljaeva B. Je. Motiv chudesnogo rozhdenija geroja v skazochnom jepose mongol'skih narodov i v kalmyckom jepose "Dzhangar" // Jepicheskaja poezija mongol'skih narodov. – Jelista: Kalm. kn. izd-vo, 1982. – S. 43-49.

5. Sarangov V. T. Pojeticheskaja struktura kalmyckih bogatyrskih skazok i ih sootnoshenie s jepicheskim zhanrom // "Dzhangar" i problemy jepicheskogo tvorcestva: Tez. dokl. i soobshh. mezhd. nauch. konf. – Jelista, 1990. – S. 55-57.

6. Sarangov V. T. Pojetika i stil' kalmyckoj bogatyrskoj skazki. – Jelista: Izd-vo Kalm. un-ta, 2015. – 108 s.

7. Mandzhieva B. B. K voprosu izuchenija kalmyckih bogatyrskih skazok // XLIV Mezhdunarodnaja filolog. nauchn. konf. Sankt-Peterburg, 10-15 marta 2015 g.: Tezisy dokladov. – SPb.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 2015. – S. 741-742.

8. Mandzhieva B. B. Kon' geroja v kalmyckoj bogatyrskoj skazke i v geroicheskom jepose "Dzhangar" // Sovremennye problemy nauki i obrazovanija. – Moskva, 2015. – № 1. – S. 890. URL: <http://www.science-education.ru> (data obrashhenija: 29.05.2015)

9. Kichikov A. Sh. Arhaicheskie motivy proishozhdenija geroja i ih transformacii v versijah "Dzhangara" // Uchitel', uchenyj, prosvetitel'. Professor A. Sh. Kichikov [Tekst]: proekt Kalmyckogo universiteta. – Jelista: Izd-vo Kalmyckogo un-ta, 2008. – S. 131-163.

10. Putilov B. N. Ob jepicheskom podtekste (na materiale bylin i junackih pesen) // Slavjanskij fol'klor. – M.: Nauka, 1972. – S. 4-16.

11. Veselovskij A. N. Istoricheskaja pojetika. – L.: Goslitizdat. Leningr. otd-nie, 1940. – 649 s.

12. Putilov B. N. Motiv kak sjuzhetoobrazujushhij jelement. – Tipologicheskie issledovanija po fol'kloru. – M.: Nauka, 1975. – S. 144-182.

13. Zhirmunskij V. M. Skazanie ob Alpamyshe i bogatyrskaja skazka. – M.: Izd. vost. lit., 1960. – 335 s.

14. Hal'mg tuul's / Sost. A. C. Bembeeva, C.-D. Nominhanov. T. 2. – Jelst: Hal'mg degtr harhach, 1968. – 266 s.

15. Ramstedt G. J. Kalmckische Sprachoben. Kalmuckische Marchen. – Helsinki, 1919. – R. 184-211.

16. Dzhangar. Kalmyckij geroicheskij jepos / Sost. A. Sh. Kichikov; Red. G. I. Mihajlov. – M.: Nauka, Glav. red. vost. lit., 1978. – T. 1. – 441 s.

17. Nikiforov N. Ja. Sobranie skazok altajcev s primech. G. N. Potanina // Zap. VSORGO. – Omsk, 1915. – T. XXXVII. – 293 s.

18. Zhirmunskij V. M. Tjurkskij geroicheskij jepos. – L.: Nauka, 1974. – 726 s.

19. Hal'mg tuul's. – Jelista: Kalm. kn. izd-vo, 1979. – 160 s.

20. Kichikov A. Sh. Geroicheskij jepos "Dzhangar". Sravnitel'no-tipologicheskoe issledovanie pamjatnika. – M.: "Vostochnaja literatura", 1992. – 320 s.

